

Путешествие по Берингову морю, по следам похода Витуса Беринга – мероприятие не только физически сложное, но и требующее особой выдержки. Своими заметками об этом с нами поделился Андрей Прудников, глава недавней экспедиции через Берингов пролив на гидроциклах (см. «Кия» №239).

Что Сибирь, что Аляска – два берега

Заметки об экспедиции на гидроциклах через Берингов пролив

Изначально наша команда должна была состоять из 7 проверенных в разных походах друзей, имевших к этому времени в своей копилке от 10 до 20 тысяч километров езды на гидроциклах, но ближе к старту два участника в силу личных убеждений отказались от перехода.

Я прибыл в Анадырь. Столица Чукотки встретила меня дождем и туманом.

Город расположен на правом берегу реки Казачки у входа в Анадырский лиман, соединяющий реку Анадырь с Анадырским заливом Берингова моря. В 1889 году здесь был построен и освещен первый деревянный дом. День освещения (21 июля, 2 августа по новому стилю) пришелся на день тезоименитства царицы Марии Федоровны, что и определило название поселения: Ново-Мариинск. Он понадобился как пограничный пункт, уездный центр, но рос медленно. В основном здесь строились казенные и частные торговые склады.

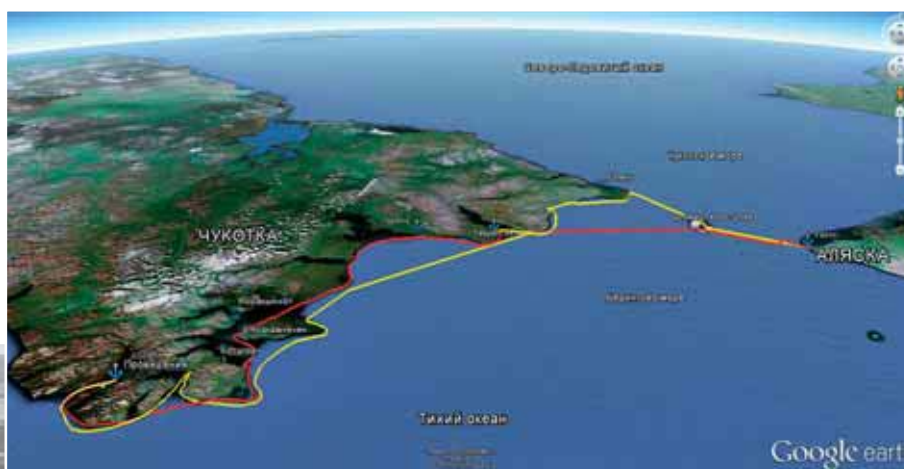
Самыми заметными событиями начала XX века здесь стали открытие россыпного золота в районе Золотого хребта и строительство в 1912–1914 годах в Ново-Мариинске ради-

станции, вошедшей тогда в число четырех самых мощных станций России. Ее длинноволновые искровые передатчики позволяли поддерживать связь с Петропавловском-Камчатским, Охотском, Номом (штат Аляска).

В 1923 году поселок Ново-Мариинск был переименован в Анадырь, в честь одноименной реки, название которой восходит к юкагирской основе «ану-ан» – «река». Казаки Семена Дежнева, встретившие юкагиrow, которые расселись в бассейне этой реки, назвали ее «Онандырь», позже интерпретированное в Анадырь.

Одиннадцатое июля 2012 года, десятый день моего пребывания на Чукотке. Если бы вы знали, чего мне стоило попасть на «Омолон» – сухогруз-угольщик, первый корабль после открытия навигации в сторону поселка Провидения! Наш контейнер с шестью гидроциклами мирно стоял на палубе этого судна на анадырской пристани, и тут: «Диспетчер запретил пускать на территорию морпорта посторонних», – резанул по ушам дежурный на КПП.

Вернувшись в гостиницу «Чукотка», я тотчас позвонил Саше Ендальцеву в Питер – он долгое время прожил в Ана-

Андрей Прудников. Фото участников экспедиции

дыре. Саша обещал поразмыслить над ситуацией. Сижу жду, но по слухам корабль отходит в семь утра, а пропуск на территорию выдают только с восьми. Опоздаю. Все рушится.

Наконец раздался долгожданный звонок от Александра: «Поднял с постели старика, он правда уже на пенсии, но вопросы на Чукотке решает. Твоя фамилия на проходной».

Двенадцатое июля. Теплоход «Омолон» замер на рейде в полумиле от берега Провидения. Тихая бухта. Белые дюны. Сопки с острыми вершинами. Июль, но вся земля еще покрыта снежными пятнами.

Тишина в поселке. Только чайки жалуются на что-то океану, в бухте разгуливают киты, да где-то за домами урчит трактор.

Ночь. Маленькая комнатка в квартире. В окна ломится ветер с океана. В разрывах тумана сверкающими тропинками разбежались по воде судовые огни. Мне жаль людей, которых они не притягивают, тех, кто не слышит их музыки. В сиянии этих огней кроются загадки океанов, дальних стран, неведомых земель... Наверное, они – братья отраженным в море звездам.

Тринадцатое июля. Выгружаю гидроциклы из контейнера на пирсе, снимаю с подложек, прикручиваю зеркала, убранные для удобства транспортировки. Выясняется, что в поселке нет нужного для нас сорта топлива, а нового заезда еще ждать и ждать. В который раз раскрываю книгу Свена Вакселя, славного сподвижника Беринга. Энергичный лейтенант возглавил экспедицию в самую трудную для нее годину, во время болезни и после смерти командора. «...Наши паруса износились до такой степени, что я всякий раз опасался, как бы их не унесло порывом ветра. Заменить же их другими, за отсутствием людей, я не имел возможности. Матросов, которые должны были держать вахту у штурвала, приводили туда другие больные товарищи, из числа тех, которые были способны еще немного двигаться...»

Ветер за окном моего жилища усиливается. Того и гляди, высадит стекла. Наверное, и тогда, осенью 1741 года, был такой же ветер, и грозным набатом гремел океан.

Четырнадцатое июля. Тихое утро. В белесом небе кое-где проступают голубые клочки. Сразу за моим домом высокие сопки. С холма спускаюсь на главную улицу Прови-

дения, названную именем Семена Дежнева. Немноголюдно – рабочий день. Два старика-чукчи о чем-то спорят, увидели меня – замолчали. Прощупали меня взглядами с ног до головы, определяют: приезжий, здороваются первыми, я в ответ.

Первая камчатская экспедиция добиралась из Санкт-Петербурга до Охотска через всю Сибирь два года. В 1728 году на боте «Св. Гавриил» первопроходцы вышли в море. Путешественники прошли вдоль берега в Чукотское море, не обнаружив американского континента. Они открыли залив Креста, бухту Провидения, Анадырский залив и остров Св. Лаврентия. На следующий год Беринг исследовал побережье Азии, в частности, нанес на карту Камчатский залив. Через много лет данные, полученные Берингом, подтвердил известный английский мореплаватель и географ Джеймс Кук. Он и предложил назвать упомянутый пролив между Азией и Америкой именем Беринга.

Пятнадцатое июля. Ближайшие пару дней дул сильный ветер, а потом он неожиданно стих. И стало как-то непривычно тихо.

Неприветлив, скалист и обрывист берег бухты Провидения, тысячелетиями здесь никто не селился. Только в начале XX века, в связи с освоением Северного морского пути, эти места стали привлекать внимание государства. С 1928 года на небольшом мыске появилась куча угля, которую использовали торговые суда, идущие в Арктику, в 1930-е годы рядом с угольной кучей появилось первое более-менее постоянное строение – землянка начальника базы ГУ СМП. В 1934 году были построены еще два засыпных домика полярной станции. С этих строений и ведет свое начало порт Провидения, ставший градообразующим предприятием для одноименного поселка.

Двадцатое июля. Команда сидит в аэропорту Анадыря

уже сутки, поселок Провидения не принимает самолеты. Над взлетной полосой все время висит густой туман. Терпения нет. Бездействие меня угнетает.

Двадцать первое июля. Во второй половине дня тяжелые облака немного раздвинулись, и на взлетную полосу плюхнулся первый АН-26. Радости встречи с однополчанами не было предела. Буквально сразу по настоянию местной администрации на вахтовом «Урале» отправляемся в поселок Новое Чаплино осмотреть «площадку» предстоящего выступления на народном празднике. Для нас выступление не имело особого значения – главное тест экипировки и работа новых моделей гидроциклов, специально «заряженных» для перехода, обкатка систем навигации.

Двадцать второе июля. Ранним солнечным утром всей командой выдвигаемся в Новое Чаплино. Чешутся руки, соскучившиеся по рулю. Спускаем технику на воду, облачаемся в экипировку. В газете про нас потом прочитали про себя: «Настоящей изюминкой фестиваля «Берингия» стало выступление гидроциклистов. Зрелище, обычное на теплых южных морях, здесь, в ледяных арктических водах, произвело неизгладимое впечатление. Под аплодисменты зрителей и щелканье фотоаппаратов спортсмены выписывали такие виражи, что дух захватывало».

Солнце быстро угасло за синими складками сопков. Вскоре все живое умолкло, растворилось в сонной темноте. Лишь тихо колыхалось море... А потом оно стало светиться от малейшего прикосновения. Кончился ливень, а я все продолжал сидеть, уставившись в темноту.

Двадцать третье июля. Завтра отходим. Звоню пограничникам. Уполномоченный старлей пожелал удачи, выразил сочувствие (катера сопровождения у экспедиции нет!), предупредил о предстоящей непогоде.

...Как долго может жить устное слово? Могут ли предания и мифы существовать, передаваться из поколения в поколение 10, 20, 30 тысяч лет?

Двадцать четвертое июля. День старта. Уже в четыре все на ногах. За окном плотный мокрый туман, мелкий противный дождь.

– Может, завтра, – протянул мне свернутый листок уже знакомый полковник, – сегодня ведь ветер до 20 м/с.

– Ждать не можем. Если будет очень опасно, отсидимся за ветром.

Если б я тогда знал, что почти на всем экспедиционном пути укрыться будет негде. Последний раз проверяем навигацию, GPS, спутниковые телефоны, включаем «споты».

Прощавшись с уже ставшими нам родными зелеными погонями, поднимаю руку в направлении Берингова моря. Минутная готовность, еще раз обвожу взглядом моих соратников по переходу.

Вперед! Под взмахи присутствующих на пирсе военных плавно срываемся в направлении выхода из бухты Эмма. Чувства переполняют. Наконец-то!

Волны росли по мере приближения Берингова моря. Как всегда в таких ситуациях, принимаю позу стоя, снижающую нагрузку на позвоночник за счет амортизации ног. Обходя косу вдоль мыса Гайдамак, отчетливо понимаю – попали. Отходим от берега на километр, большая накатная волна. Первая остановка. У Дениса Власенко срывает багажную сумку...

Я всегда с ироничной улыбкой относился к репликам «укачало», «тошнит», «рвет», поскольку никогда не испытывал этого, но после минут 30 «расколбаса» и ко мне вдруг пришло чувство тошноты и даже рвоты. Удивлен реакции своего организма. Опять остановка. Посидел минут пять, неприятные чувства проходят. Понимаю, что идти стоя не получится, выше центр тяжести – сильней болтанка.

Доходим до первой точки, указанной нам как укрытие – это мыс Низменный, но зайти в лагуну Кивак нет никакой возможности. Отлив, большая накатная волна, и входа как такового нет. К своему огорчению, проходим мимо, двигаясь в километре от берега к мысу Плоский. Подходя к мысу, решаем резать напрямую выход из бухты Ткачен на мыс Сиволькут. Волны чуть спали, но туман стал гуще, дождь сильнее. Подходя к повороту мыса Чаплино, слышу в радиостанции «Гидра, гидра, я лебедь. Прием» – пограничники на заставе Чаплино вышли на связь.

Докладываю обстановку и наше намерение подойти с северной части мыса на дозаправку. Пару дней назад нам туда закинул пару бочек восьмидесятого бензина мой друг Тимофей Рогожин. Будучи организатором «не банановых экспедиций», он имел одну из решающих ролей в обеспечении нашего перехода. Без его связей на Чукотке нам делать было бы нечего. Нас объединяет большая любовь к приключениям.

Обойдя мыс, понимаю – не получится. Волны с силой летят на берег. Опасно. Переговорив с пограничниками, двигаемся вдоль северной части полуострова в надежде найти место за ветром и причалить на дозаправку. И только зайдя за мыс Мертенса, причаливаем, покрыв к этому времени 150 км бушующего Берингова моря.

Немного перекусив, дозаправились. Вопреки логике спокойного перехода, решаем обойти остров Итыгран с его восточной стороны и, повернув на запад, пройти между упомянутым островом и островом Аракамчечен. Но такое решение оказалось ошибочным – ветер дунул в лицо сразу за поворотом. Ничего не поделаешь, проходим между островами, преодолевая запах гнили от дохлых китов.

Итыгран – остров в проливе Сенявина Берингова моря, у юго-восточной оконечности Чукотского полуострова. На-

ходится всего в 1.5 км от берега и в 3.8 км от острова Аракамчечен. Его площадь 55 км², он вырос в длину на 13.5 км, при максимальной ширине в 5 км. На скалистых мысах по периметру острова огромные колонии морских птиц, гнездятся бакланы, крупные бело-головые чайки, моевки, кайры, тихоокеанские чистики, ипатки и топорки.

Казалось бы, обычный остров, каких здесь немало, но при этом очень знаменитый – ради его посещения видные историки и археологи, исследующие народы Арктики, готовы отдать все что угодно. Остров знаменит Китовой аллеей – древним эскимосским сооружением из вкопанных в грунт параллельных рядов черепов и челюстей гренландских китов (50–60 черепов и 30 челюстей). Датирована Китовая аллея периодом позднего Пунука (XIV–XVI вв. н. э.)

...Всем исследователям приходилось переживать приключения, и вспоминают они о них с удовольствием. Но никогда исследователи не пускаются в погоню за ними.

Напротив нас через пролив Сенявина горит огоньками поселок Янракиннот – запланированная точка ночлега. Иридиум не хочет ловить спутник. Поскольку вечереет, решаем продолжить движение в сторону Лорино. Перевалив пролив по диагонали, прижимаемся к материку.

Общинный уклад жизни поселка не сумел приспособиться к новой власти. В тундре люди живут иначе, нет городской межи работы и досуга, нет и разделения обязанностей. Человек здесь умеет все: бросить гарпун, снарядить лодку, поставить и снять сети, починить мотор. В советские годы детей насильно увозили в интернаты, где они жили по 10 месяцев в году, учились тому, что, по большей части, в жизни не понадобится, и после школы приезжали другими. Тундра стала для них чужой, редкие после этого находят в себе силы жить единственно возможным и, наверное, спасительным для местного населения традиционным укладом.

Проходим поселок мимо в надежде войти в русло реки Лорэн перед мысом Люгрэн. Находим устье, но очень мелко и большой накат. Темно. Наугад двигаюсь в направлении берега, опасаясь захватить импеллером камни со дна, скидываю газ. Моментально толкаемый накатной волной гидроцикл встает параллельно с берегом, переворачивается, накрывая меня собой, и я вместе с «конем» вдруг оказываюсь в метрах пяти на суше. Идущий за мной Денис Власенко попадает в такую же ситуацию. Третья машина Володи Иванова паркуется рядом, но также оказывается далеко от воды. Кое-как, учтя наши ошибки, Сергей Ляпичев и Олег Шуман с трудом попадают в створ реки и заходят в бухту.

Два часа ночи. Тесная квартирка на втором этаже. Тепло. Июль, но в поселке все лето отопительный сезон. Сил хватило только на то, чтобы снять сухой гидрокостюм и водолазное белье. Нырять в спальник прямо на полу и проваливаюсь...

Двадцать пятое июля. Семь утра. С трудом «проковырял» дырки в глазах. Народ еле шевелится. Ощущение, сравнимое с последствиями от выгрузки вагона с цементом в одиночку. Выдвигаемся на исходную позицию, где обнаруживаем вторую со старта проблемку – камень в импеллере гидроцикла Володи Иванова. Очень помогает приобретенный опыт разборки водомета на машине Дениса Власенко в лагуне Гэтлянген.

Договорившись с местной общиной, заправляем три бочки с топливом и без проблем «выстреливаем» из реки Лорэн в сторону поселка Лаврентия. Это административный центр Чукотского района Чукотского автономного округа. Как поселение его впервые обозначил на карте казак-первопроходец Тимофей Перевалов. В 1778 году здесь побывал Джеймс Кук, давший название заливу – Лаврентия. Чукчи отнесли к знаменитому английскому мореплава-

телю более милосердно, чем аборигены Полинезии, которые позже «взяли и съели Кука». Большой плюс жителям Чукотки – они и тогда были невероятно гостеприимны.

Обойдя без особых приключений мыс Кригугон, влетаем в залив Лаврентия. Немного задумавшись, насакакиваю на спину кита, не сразу понимая, что происходит. Для кита мой поступок – не более чем массажная процедура, для меня – невероятный испуг. Связавшись с погранзаставой по рации, паркуемся за мысом Харгилах на базе местного охотника Владимира Эйнеучейвун. На берегу нас встречает целая демонстрация из местных жителей, пограничного наряда, ГИМС, Тимофея Рогожина со своим спутником Алексеем Волобай (они добрались до края света на «уазике» из Лорино) и Натальей Белоконовой – представителем правительства Чукотки.

Разбиваем лагерь прямо на берегу, выдергиваем гидрокислы на деревянный пирс и принимаем угощение от местных охотников – конечно же, мясо кита. С открытыми ртами все наша команда слушает удивительные истории хозяев. И за Полярным кругом человеческие страсти и азарт от холодов не застывают! Здесь так же влюбляются и ревнуют, страдают и убивают, пьют и режутся в карты, жизнь как и везде. Не охладевает на просторах Севера и дух авантюризма – и в нашем веке люди полны стремлений отыскать неизвестные земли, достичь Северного полюса, найти следы погибших цивилизаций, открыть неведомых науке животных, добыть сокровища, прославиться и разбогатеть...

Устраиваемся на ночлег в пустой пропитанной «совком» квартирке. Ужин по нашим меркам шикарный – язык кита, тушенка из оленины, соленая и вареная горбуша, икра нерки. Закусывая всем этим, уничтожаем запасы виски, ведь наши взоры устремлены на север Аляски, где стопроцентный сухой закон.

...На высоком плоском камне сидел мальчишка и смотрит в сторону океана. Он был без шапки, и хлесткий ветер безжалостно трепал его длинные черные волосы. Он не слышал моих шагов.

– Ты почему здесь сидишь? Холодно и поздно уже!

Мальчишка вздрогнул, удивленно обернулся, но тут же приложил палец к губам:

– Тише! Он уже совсем рядом и может испугаться...

– Кто?

– Мой кит.

Я недоуменно смотрю в ту сторону, куда указал паренек, но ничего, кроме волн, не вижу.

– А ты не сочиняешь?

– Нет. Честное слово, не вру.

– Но там же ничего нет!

– Вы не умеете смотреть. У меня кит не простой, а дрессированный и хитрый-прехитрый.

Говорят, Север умеет объединять людей разных национальностей, государств, верований, сословий, профессий. В экспедицию Беринга были включены не только офицеры, матросы, мастеровые, но и многие ученые: Гмелин, де ла Кройер, Миллер, Степан Крашенинников, Лука Иванов, Федор Попов, Алексей Горланов, Василий Третьяков. В составе экспедиции значились также художники Люрсениус, Беркан, переводчик Илья Яхонтов, геодезисты Александр Иванов, Андрей Красильников, Моисей Ушаков, Никифор Чекин.

Входил в эту интернациональную команду исследователей-первопроходцев и немецкий натуралист Георг Вильгельм Стеллер. В XVIII столетии Россия предоставляла немалые возможности способным, энергичным специалистам из Западной Европы, тем, кто не находил должного применения у себя на родине, и он решил попытать счастья. Стеллер стал адъютантом натуральной истории, а вскоре был направлен во Вторую камчатскую экспедицию. К сожалению, между Стеллером и Витусом Берингом с первой же встречи возникло недопонимание. Потом оно переросло в открытое противостояние друг другу. Но несмотря на это, после смерти командора Георг писал о нем как о справедливом и честном человеке.

Двадцать шестое июля. Утро не радовало. Сильный дождь, ветер и туман накрыли поселок, круша все наши планы. День прошел за компьютером и рассказами об жизни и приключениях местного населения. Я обожаю жажду приключений. Это весьма естественное стремление к захватывающим переживаниям, заложенное в каждом здоровом и сильном человеке. Оно, несомненно, перешло к нам в наследие от далеких предков, для которых борьба за существование сопровождалась полной риска охотой, опасными схватками с дикими зверями и страхом перед неизвестным... Когда мы «играем со смертью», мы возвращаемся к волнующей нервы радости первобытного человека, которая сохраняла и поддерживала его в ежедневной схватке.

Продолжение следует

